

УДК: 811.511.13

ИССЛЕДОВАНИЕ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья вторая

Светлана Сергеевна Шляхова

д. филол. н., профессор кафедры общего языкознания

Пермский государственный педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. shlyahova@rambler.ru, shlyahova@mail.ru

Цикл работ включает три статьи, посвященные исследованию звукоизобразительности в пермских языках. Во второй статье представлен анализ существующих в финно-угроведении типологий изобразительных слов пермских (коми[-зырянский], коми-пермяцкий, удмуртский) языков в сфере акустического и неакустического денотатов. Выявляются проблемы исследования звукоподражательности и звукосимволизма в пермистике. Обзор работ по пермским языкам показывает, что ни один из носителей фонетического значения (акустический признак, фонемотип, фонестема и пр.), кроме слова, не являлся предметом специального исследования. На материале пермских языков рассматриваются носители фонетического значения (звукоизобразительность гласных *u/a*, суффиксов *-тор*, *-ни* и пр.).

Ключевые слова: финно-угорские языки; пермские языки; изобразительные слова; фоносемантика; звукоизобразительность.

Типологии в сфере акустического денотата

Все первые типологии звукоизобразительных слов являются экспликацией акустического денотата в языке. Еще К.С.Аксаков в «Опыте русской грамматики» (1860) начинал грамматическое учение с рассуждения о звуке, поскольку «первый вопрос грамматики заключается в том, вследствие каких законов слово человеческое, выражая мысль, приняло такие и такие формы» [Аксаков 1860, 2: 6]. По К.С.Аксакову, звуки подразделяются на *внешние* (звуки природы и окружающих предметов) и *внутренние* (издаваемые животными и человеком); неорганические и органические. К.С.Аксаков дает почти точную фоносемантическую классификацию, выделяя удар (стук), шум и тон (голос). Ср. классификации акустического денотата А.М.Газова-Гинзберга (*внешнее* и *внутреннее* звукоизображение) [Газов-Гинзберг 1965], С.В.Воронина (*акустические* (удар, неудар, диссонанс) и *артикуляторные* ономатопы) [Воронин 1982], А.Б.Михалева (*буккальная* (ротовая) сфера деятельности – *мануальная* (ручная) сфера деятельности – *звучащие процессы внешней действительности*) [Михалев 1995].

Принципиально значимым четкое разграничение звукоподражательности и звукоизобразительности

стало с появлением работ С.В.Воронина, В.В.Левицкого и др. В финно-угроведении типологии звукоизобразительных слов изначально охватывали и акустический, и неакустический денотаты.

В.И.Алатырев предлагает одну из первых классификаций изобразительных слов удмуртского языка: слова, выражающие 1) *зрительный* образ, 2) *звуковой* образ, 3) *осязательный* образ [Алатырев 1947, 1983]. И.В.Тараканов в пермских и волжских финно-угорских языках выделяет *подражательные* и *изобразительные* глаголы [Тараканов 1998]. С.В.Соколов отмечает три типа изобразительных слов: 1) *звукоподражательные* (имитативы); 2) *образно-подражательные*; 3) *вокативные* (подзыв и отгон животных) [Соколов 1996: 70]. Очевидно, что во всех типологиях разграничивается акустический (ономатопея) и неакустический (звукоизобразительность) денотаты.

Одну из первых попыток многосторонней систематизации коми-пермяцких изобразительных слов сделала А.С.Кривошекова-Гантман [Кривошекова-Гантман 2006: 42, 50–51], предложив несколько критериев классификации: 1) *по характеру денотата*: звукоподражательные и образноподражательные слова; 2) *по источ-*

нику звучания (для ономатопей): а) звукоподражания аффективным выкрикам и особенностям речи человека; б) звукоподражания звукам животных, птиц, насекомых; в) подражания звукам, сопровождающим действия человека, животных, а также звучаниям неживой природы; 3) по фонетической структуре: а) CVC^1 : *кыш-паиш* «шорох», *гыж-важ* «царапанье»; б) $CVCC$: *дзурк-вирк* «скрип», *корс-корс* «храп»; в) $CCVC$: *трин-бран* «звон», *трон-трон* «звук колокола»; г) $CCVCC$: *звирк* «быстрое появление / исчезновение», *швырк* «мгновенное исчезновение»; д) $CVCV$: *гира-гора* «топот», *ризя-вазя* «треск»; 4) по морфологической структуре: а) одиночный корень: *ттой* «изобр. торчащие сухие колосья»; б) редуцированный корень: *кыш-кыш* «шорох»; в) редупликация с варьированием гласного (*бута-бата* «удары кулаком») или согласного (*трина-брана* «звон»).

Скрупулезная и, на первый взгляд, убедительная типология А.С.Кривошековой-Гантман дает «фоносемантический сбой»: материал на уровне фонетического и морфологического критериев включает как ономатопею (*гира-гора*, *бута-бата*), так и звуко-символические слова (*ттой*, *швырк*). Однако фонетическая и морфологическая оболочка для звукоизобразительных слов является сущностной.

Так, вариативность гласных обусловлена семантикой звукоизобразительного слова. Широко известны эксперименты Э.Сепира [Sapir 1929], в ходе которых были получены данные, «закрепляющие» за [i] обозначение малого, за [a] – большого. С.Ньюмен продолжил исследования Э.Сепира и сделал вывод о том, что оценка звуков испытуемыми связана с физическими (акустико-артикуляционными) характеристиками этих звуков. Э.Л.Торндайк установил, что частотность появления [i] в английских словах, имплицитно обозначающих малое, оказалась в 12 раз выше, чем частотность появления [o] [Thorndike 1945]. Ср. звуко-символизм [i] у Платона – легкость, движение; у М.Граммона – острота, угловатость, освещенность, малость, легкость, быстрота, резвость; веселость, близость, направленность вверх, острота ума [Михалев 1995]. В.В.Левицкий упоминает работу Berlin (1994). Автор исследовал звуковой состав названий птиц и рыб на одном из языков Перу и обнаружил, что в названиях «малых» птиц и рыб преобладает гласный [i], а в названиях «больших» птиц и рыб – гласные [a] и [u] [Левицкий 2009: 124].

А.Б.Михалев отмечает следующие характеристики [i]: звукоподражательные значения – высокие, резкие, тонкие, протяжные звуки; артику-

ляционно-символические значения – высокий (жестовый аспект: верхний подъем), ближний (жестовый аспект: передний ряд, т. е. близко от выхода звука), малый (жестовый аспект: узкий (малый)); [a]: звукоподражательные значения – низкие, густые, протяжные звуки; артикуляционно-символические значения – низкий, дальний, большой [Михалев 1995]. Ср. к.-п. *трин-бран* > глаголы *трИнотны* и *брАнотны* обозначают «звенеть» с оттенками значений, зависящих от высоты гласного (*трИнотны* обозначает более высокий звон, а *брАнотны* — более низкий звон). Таким образом, структурная характеристика ономатопей типа CVC для фоносемантики оказывается безразличной.

С.В.Соколов среди ономатопей выделяет подражания: а) *голосу* человека (смех, плач, кашель и пр.), б) *животным, птицам*, в) звукам, издаваемым *неодушевленными предметами* [Соколов 1996: 70]. К.А.Суббота в ижемском диалекте коми языка отмечает эти же группы звукоподражательных глаголов [Суббота 2009: 18].

А.А.Шибанов выделяет общие для удмуртского, коми-пермяцкого и коми-зырянского языков разряды изобразительных слов, классифицируя их по различным признакам [Шибанов 2006: 267–268]: 1) по денотативной природе: а) звукоподражания: удм.² *бульыр-бульыр ошмес потэ* «бурча бьет родник»; к.-з. *боль-боль кисьтны* «вылить с бульканьем»; к.-п. *гычыр-гычыр керис пиннезнас* «он поскрежетал зубами»; б) наречно-изобразительные: удм. *бугыль-бугыль пинал луем уни* «ребенок уже стал пухлым»; к.-з. *вужынь-вежынь пессо тэчюма* «дрова сложены как попола»; к.-п. *бекыр-бекыр кера* «забодою-забодою (дет.)»; 2) по структуре: а) простые (односоставные): удм. *жингыр вазе* «звонко звенит»; к.-з. *кильчю голь* «в дверь крыльца звяк»; к.-п. *гурк осьтны* «открыть резко, неожиданно»; б) удвоенные (повторы, парные слова): удм. *чир-чир кесяське* «пронзительно кричат»; к.-з. *шлан-шлан кучкыны бокъясо* «хлоп-хлоп ударить по бокам»; к.-п. *бор-бор котортё шорок* «глухо журча, бежит ручеек». Несмотря на то что А.А.Шибанов опирается на классификации В.И.Алатырева, А.С.Кривошековой-Гантман, С.В.Соколова, его типология несколько уступает по четкости критериев выделения разрядов изобразительных слов. Однако привлечение внимания к этой проблеме можно считать отрядным явлением для пермистики.

Все перечисленные классификации звукоизобразительных слов охватывают незначительную область сферы акустического денотата, поскольку квалифицируются ономатопеи, но часто не

включаются многие междометия, парные слова, лексические аттрактанты и репелленты (слова клича и отгона животных и птиц), которые являются примарно мотивированными. Кроме того, данные типологии основаны на семантических и грамматических признаках, тогда как принципиально важными являются связи фонетического и семантического уровней, что не учитывается в этих классификациях.

С.В.Воронин предлагает универсальную типологию ономатопопов на основании соотношения с денотатом, в которой выделяются акустические и артикуляторные ономатопопы [Воронин 1982]. Эта классификация оказалась принципиально применима к рассмотрению ономатопопов других, в том числе неродственных, языков. В финно-угроведении типология С.В.Ворониной представлена в работах Э.А.Вельди и А.Е.Беликовой на материале эстонских ономатопопов [Вельди 1988] и финских звукоподражательных глаголов [Беликова 2004]. В пермских языках подобных исследований не проводилось, однако известны попытки предварительной классификации ономатопопов коми-пермяцкого языка [Шляхова, Петрова 2000; Шляхова 2003].

Типологии в сфере неакустического денотата

По мнению В.В.Левицкого, категоризация и выявление звукоименной лексики представляет собой одну из наиболее сложных проблем фоносемантики. В советском языкознании приоритет в выделении семантических сфер, в которых с наибольшей силой проявляется действие звукоименности, принадлежит Е.А.Гурджиевой [Гурджиева 1973]. Она выделила 16 основных «тематических групп» слов, обладающих звукоизобразительными свойствами (*ветер, явления природы, бег и ходьба, движение, уродства и физические недостатки, радость и любовь, горе и злость, глупость и безумие* и т. п.) [Левицкий 2009: 100]. Однако здесь также не различаются акустический (напр., *ветер, явления природы*) и неакустический (напр., *радость и любовь*) денотаты. Перечень таких «сфер» был уточнен Л.А.Комарницкой и В.И.Кушнериком [Комарницкая 1985; Кушнерик 1987].

Однако в советском финно-угроведении известны более ранние попытки типологии звукоименных слов [Алатырев 1947, 1983; Бубрих 1948; Имайкина 1968], которые, впрочем, отличаются лишь общими замечаниями относительно круга явлений, эксплицируемых звукоименными словами.

Д.В.Бубрих предлагает следующую типологию изобразительных слов коми: изображение

тех или иных моментов действенных ситуаций на основе 1) *слухового* восприятия; 2) *зрительного* восприятия [Бубрих 1948: 90]. Фактически автор выделяет ономатопопу и звукоименность, ограничиваясь лишь слуховой и зрительной модальностью восприятия. Однако в тексте работы понимание сущности звукоименности расширяется: «Изобразительные слова скользят по видимой, слышимой, осязаемой поверхности вещей, но не уходят в их глубину» [Бубрих 1948: 92].

М.Д.Имайкина предлагает полимодальную классификацию мордовских звукоизобразительных слов: слова, характеризующие 1) *слуховые* образы; 2) *зрительные* образы (двигательные образы, световые впечатления, цветовые впечатления); 3) *двигательные* ощущения [Имайкина 1968: 4].

В.И.Алатырев выделяет слова, выражающие 1) *зрительный*, 2) *звуковой*, 3) *осязательный* образы [Алатырев 1983]. По звуковому составу выделяются: 1) *деформированные* – компоненты повторов отличаются по звуковому составу; 2) *недеформированные* – буквальная редупликация [Алатырев 1947: 226].

С.В.Соколов различает три типа звукоизобразительных слов: 1) *имитативы* (ономатопопы); 2) *образно-подражательные* слова: а) показывающие внешний облик различных предметов, б) дающие картину ходьбе, различным действиям; 3) *вокативные* слова (подзвон и отгон животных) [Соколов 1996: 70].

Обобщив предлагаемые в финно-угроведении типологии звукоименных слов, получаем следующую классификацию: 1) *зрительные* образы: а) двигательные образы, в т. ч. дающие картину ходьбе, различным действиям; б) световые впечатления; в) цветовые впечатления; г) показывающие внешний облик различных предметов; 2) *осязательные* образы.

Существенным недостатком всех названных выше финно-угорских классификаций является разрыв взаимосвязи содержания и его формального выражения. Группы звукоименных слов выделяются на основании семантического критерия, тогда как соотношение звуковой оболочки единицы с ее содержанием (принципиально значимая черта) не учитывается, т. е. фоносемантическая классификация фактически отсутствует.

В американской лингвистике выделяют следующие «семантические и прагматические поля», где обнаруживается действие звукоименности: 1) мимикрия окружающих (внешних) и внутренних звуков; 2) выражение физического и эмоционального состояния человека;

3) выражение социальных отношений (уменьшительные формы, звательные формы, императивы и пр.; оскорбительные и уничижительные формы); 4) характеристика объектов и действий (движение, размер, форма, цвет, структура); 5) грамматические и дискурсивные индикаторы (интонационные маркеры дискурса и структура предложения, различия между частями речи); 6) выражения оценочного и аффективного отношения говорящего к предмету [Hinton, Nichols, Ohala 1994: 10. Цит. по: Левицкий 2009: 100].

Несмотря на то что данная типология охватывает все перечисленные ранее сферы, ее некорректность, на наш взгляд, обусловлена отсутствием единого критерия, положенного в основу классификации. С.В.Воронин [Воронин 1982] предлагает типологию звуко-символических слов, которая также охватывает все перечисленные сферы, но на едином основании – кинема (жестовые и мимические движения).

Среди кинем выделяются *интракинемы* (сенсоинтракинесемизмы – обозначение «рефлекторных» движений, процессы в сфере сознания человека) и *экстракинемы* (мимические подражания «внешним» неакустическим объектам по их форме, размеру, движению: обозначение округлого, большого / малого и пр.). В области интракинемы выделяются: 1) *мимеоинтракинесемизмы* (улыбка, мимика презрения, лексические пейоративы и пр.); 2) *эмоинтракинесемизмы* (обозначение «выразительных» движений тела: мимика, пантомимика, вокальная мимика (интонация и тембр); 3) *волеинтракинесемизмы* (обозначение движений, сопровождающих волевые акты: напр., сжимание губ – мимика упорства или упорства); 4) *метаинтракинесемизмы* (напр., движения, сопровождающие решение задачи: морщить лоб, шевелить губами и пр.) и др. [Воронин 1982]. Подобные подходы к материалам пермских языков нам неизвестны. Однако очевидно, что данная типология применима к любому языку.

Так, в коми-пермяцком языке можно выделить следующие группы экстракинесемизмов: 1) *форма*: а) извилистость, кривизна: *гигинь-гогинь* «зигзагообразно (движение, направление, русло реки и пр.)»; *копыр-копыр ветлётны* «ходить сгорбившись»; *нюкыр-нюкыр, тьяп-ляп нюкыртны* «согнуть, наклонить»; б) торчать, выделяться: *той* «о выставляющихся, бросающихся в глаза предметах, растениях»; *чер-чер* «о состоянии торчания, напр., ног»; *чуй, чунь* «одинок торчат»; в) опухать, вздуться: *дун (дундыны)* «раздуться, напр., о животе»; г) открытый: *жерк керны ём* «приоткрытый рот»; *ван* «настежь»;

2) *температура*: а) горячее: *шон* (ср. *шоньт* «теплый»); *ным* (ср. *ным* «горячий»); б) холодное: *тон-тон, йот-йот, торс-торс* «о состоянии сильного замерзания, напр., белья, земли»; 3) *максимальная степень* проявления свойства, качества: *люски-ляски код* «совершенно пьяный»; *люзь ва* «совершенно мокрый»; *дзирс немьт* «совершенно темный»; *дрин-дрин* «о животе (как барабан); наполненный до отказа»; *ёт-ёт кынтны* «сильно заморозить»; 4) *характер движения, действия, процесса*: а) повторяющееся, регулярное, ритмичное: *лег-лег / легыр-легыр* «о махании хвостом»; *лет-лет* «о потряхивании»; *лег-лег керис* «потряс»; б) однократное: *дрин чужьйны* «пнуть»; *дзин керны* «лягнуть»; в) беспорядочное, хаотичное, небрежное: *тульк-мельк, кульк-мельк* «о падении кувыркком»; *курни-верни* «о небрежных действиях»; *куртны-картны* «кое-как собрать, сгрести что-л., хватать от жадности»; *чер-бар таравны* «катиться переворачиваясь, задрав ноги вверх»; *тяп-ляп керны* «плохо, небрежно что-нибудь сделать»; г) мелкое, дробное: *быгыль-быгыль мунны* «семенить (о полном низкорослом человеке)»; *гизьгыны-зэрны* «моросить (о дожде)»; д) быстрое, мгновенное, неожиданное: *шув-нав пырны* «неожиданно зайти», где *шув-нав* употребляется исключительно со словом *пырны*, т.к. может передавать особенности только этого действия – «зайти быстро, стремительно, уверенно»; *быз-быз мыччисьны* «появиться неожиданно»; *нюк-няк* «о быстрых и решительных действиях»; *нюлыш-малыш* «кое-как, второпях»; *зыр-бут* «неожиданно, свалиться как снег на голову»; *швырк* «о молниеносном исчезновении (реже появлении) кого-, чего-л.»; е) одновременное: *ы-ымм* «о одновременном проявлении (напр., поднимания рук)»; 5) *интенсивность* действия, качества, проявления: а) максимальная: *бёбись* «что-либо делать с очень большой силой, энергией; в большой степени выражения конкретного действия» (*бёбись котёртны* «очень сильно бежать», *бёбись видчыны* «сильно ругаться», *бёбись серавны* «громко, безудержно смеяться»); *дзирс* «усиливает значение прилагательного»; *лич* (ср. *личыт* «слабый; просторный, напр., костюм»); б) слабая: *кыш-паш* «бесшумно»; *лешкыны-гёняйтны* «ехать самой тихой рысцой»; *дзюз* «чуть-чуть, незначительно»; в) отсутствие действия, движения: *зильк видзё* «вид стоячей воды в луже»; *дун керсьём* «застыло, не движется»; *жёв керсьыны* «насторожиться, притихнуть»; б) *прочность, устойчивость*: *либи-лёби, лиги-лёги, люг-лег, люги-леги* «о чем-л. непрочном, шатком»; *жын* «прочно»; *сунбан-сунбан чеччы-*

ны «встать пошатываясь»; *кромльык-кромльык* «о походке хромого»; 7) *свисание, болтание: лёб-лёб ёшаліс* «живот отвис»; *силь-силь ёшавны* «о свисании стручков» и др.

До сих пор мы касались только лексического уровня звукоизобразительности, тогда как носителем фонетического значения может быть любая единица языка [Павловская 2001: 212–213].

Звукоизобразительные единицы в коми-пермяцком языке

Поскольку согласно фоносемантике звукоизобразительные единицы имеют универсальный характер, то в пермских языках должны выделяться те же лингвистические носители фонетического значения, что и в других языках. Рассмотрим возможные носители фонетического значения в коми-пермяцком языке.

Акустический признак (напр., компактность, диффузность спектра гласного (/a-i/), коррелирующий с символическим значением большого–малого и пр.). Распределение частот звуков в словах, обозначающих сходные или тождественные понятия в неродственных языках, носит неравномерный характер. Соответствующий анализ позволяет установить статистические звуко-символические универсалии. Так, понятие размера символизируется с помощью оппозиций [верхний подъем – нижний подъем] (для гласных) и [звонкость – глухость], [латеральность – дрожание] (для согласных) и т. д. [Левицкий 2009: 62–63]. По экспериментальным данным понятие *большой* символизируется признаками [звонкость], [дрожание], [задний ряд], [нижний подъем]; понятие *маленький* – [глухость], [латеральность], [передний ряд], [верхний подъем], [средний подъем]; понятие *сильный* – [звонкость], [смычно-фрикативность], [взрывность], [дрожание], [задний ряд], [лабиализованность]; понятие *слабый* – [глухость], [сонорность], [латеральность], [передний ряд], [нелабиализованность]; понятие *быстрый* – [смычность], [взрывность]; понятие *медленный* – [сонорность, фрикативность] [Левицкий 2009: 35].

В целом ряде зарубежных работ (прежде всего, в работах Дж.Охалы) установлена закономерность о соотношении качества гласных и согласных и их акустической частоты: высокий тон, гласные с высокой второй формантой (типа /i/) и согласные с высокой акустической частотой ассоциируются с малым размером, остротой и быстрым движением; низкие тона, гласные с низкой второй формантой (типа /u/) и низкочастотные согласные ассоциируются с большим размером, мягкостью и медленным движением [Hinton, Nichols, Ohala 1994: 10; Berlin 1994: 91 и др.].

Такой вывод согласуется с данными, полученными западными исследователями [Ultan 1978]: в 90 % обследованных языков небольшой размер символизируется передними высокими гласными. Аналогичные данные получены В.В.Левицким и С.Ньюманом [цит. по: Левицкий 2009: 15–16, 35, 37–38].

Одновременно с этим, как отмечает В.В.Левицкий, «в большинстве славянских языков понятие «маленький» обозначается словами, содержащими гласный /a/, в то время как испытуемые, говорящие на русском и украинском языках, оценивают звук /a/ как «большой», а звук /i/ как «маленький». Автор объясняет это действием законов не объективного, а субъективного звуко-символизма. В области объективного звуко-символизма понятие «большой» символизируется признаками: [звонкость], [дрожание], [задний ряд], [нижний подъем]; понятие «маленький» символизирует следующие признаки: [глухость], [латеральность], [передний ряд], [верхний подъем], [средний подъем]. Кроме того, семантическая оппозиция [большой] – [маленький] символизируется с помощью оппозиции звуковых комплексов [i, e] – [o, a] или [p, k] – [b, r, d]. Расширение числа согласных показывает, что комплексы согласных по шкале размера включают в себя следующие звуки: [m, n, p, l, t, s] – [r, d, b, g, dʒ] [Левицкий 2009: 36].

В к.-п. языке, например, «малость» гласного /i/ и согласных /n, k/ эксплицирована в суффиксах *-ыНИК*, *-ИК*, которые, присоединяясь к основам качественных прилагательных, образуют прилагательные с уменьшительно-ласкательным значением: *кös – кösыНИК* «сухой – сухонький», *шоч – шочыНИК* «редкий – реденький», *том – томыНИК* «молодой – молоденький», *векнит – векнитИК* «узкий – узенький», *умоль – умольИК* «плохой – плохонький».

Корень *ни-* в качестве уменьшительного суффикса встречается также в говоре кольских коми Ловозерского района, например: *кыдзпи* «маленькая береза, березка» (*кыдз* «береза»), *пожэмпи* «маленькая сосна», (*пожэм* «сосна»); *козпи* «маленькая ель, елочка», (*коз* «елка, ель»), ср. также *помоль пиян* «поросль» [Сахарова, Сельков 1960: 141]. Ср. также корень *ичи-*, который в настоящее время в коми-пермяцком языке самостоятельно не употребляется, но сохраняется в некоторых словах: *ичипиян* «деверь». Значение древнего корня – «маленький, мало», общеперм. **ič'-* ср. с к.-яз. *iči-pi* «деверь»; удм. *ичимень* «жена младшего брата», *ичи* «мало» [КЭСК 1999: 110].

«Большестъ» /a/ – в суффиксах *-а (-я)* со значением «обладающий или избыливающий чем-либо»: *мырьЯ места* «пнистое место, место, избыливающее пнями», *йӧла мӧс* «удойная коро-ва», *мыгӧра детина* «рослый парень». Ср. также «большестъ» /a/ и «малостъ» /i/ в сочетаниях: *вАк-вАк серӧмтчыны* «громко засмеяться (широко раскрыв рот, как при произношении звука а)», *пИльс серӧмтчыны* «засмеяться, чуть-чуть раскрыв рот, хихикнуть, ехидно улыбнуться».

По данным В.В.Левицкого, для других признаков связи оказались статистически несущественными. Остается неясным, носит ли символизация шкал температуры, света, твердости и некоторых других национальный или межнациональный характер. В украинском языке, например, шкала света символизируется противопоставлением [передний ряд] – [задний ряд], а в молдавском – [верхний подъем] – [нижний подъем], в символизации шкалы температуры между молдавским и украинским имеется сходство: в обоих языках релевантна оппозиция [губность] – [заднеязычность] (для согласных) [Левицкий 2009: 35].

Ср. к.-п. *пым* «горячий», к.-з. диал. *пым* «горячий, жаркий, теплый», удм. *Ӝырым* «горячий, пламенный» – губность согласных и верхний подъем, средний ряд гласных, но манс. *рот, рат* «пар в бане», хант. *рәт* «горячий» [КЭСК 1999: 236] – губность согласных и нерелевантность гласных. *Тон-тон, йот-йот, торс-торс* «о состоянии сильного замерзания, напр., белья, земли»: заднеязычность согласных не является релевантным признаком.

Минимальной универсальной единицей-носителем фонетического значения можно считать **фонемотип** (термин и обоснование С.В.Воронина), под которым понимается не конкретная фонема, а «звукотип», т. е. определенный способ, место и способ образования звука, которые обладают универсальными характеристиками (спирант, вибрант, гуттуральный и т. п.).

Связь между звуком и значением наиболее непосредственно и ощутимо проявляется на уровне признаков. По сравнению, например, с фонологической системой, где основной элемент – фонема (абстракция I ступени), в ЗИС основной элемент – фонемотип (абстракция II ступени). Категория фонемотипа выступает как основной инструмент исследователя и лингвистического яруса ЗИС и всей системы в целом, причем не только в синхронии, но и в диахронии, при этимологическом анализе на значительную «глубину». Очень важна также роль Ф-признакотипов. Основной же инструмент исследова-

вателя экстралингвистического (денотативно-го) яруса – категория Д-признакотипа, или *мотивотипа* [Воронин 1982].

Так, в коми-пермяцком звукоподражательное значение взрывных – отражение удара (*тӧп-тӧп, тӧп-тӧп, кап-кап* “кап-кап”; *ток-ток* “удары сердца”; *туп-тап, тап-тап, тупа-тапа, топот* “стук каблучков”; *бут, бут-бат, бута-бата, пач* «стук»); вибранта – диссонирующего удара, диссонанса (*йирка-ёрка, йирка-ёрки, йирк-йирк* «подражание стуку, грохоту»; *тури-пари, турбар, тура-бара, тур-пар, туры-пары* «о шуме, грохоте»); спирантов – отражение шума (*кышкаш* “шуршание листьев”; *шу-шу-шу* “шушуканье”; *пыш* “фыркание, шорох”) и пр.

Сочетание фонем (фонестема, корнеобразующая морфема, корневое ядро, консонантный сегмент, консонантный бифон, звуко-символический комплекс) также является носителем фонетического значения. Под фонестемой понимается «фонема или комплекс фонем, общий для группы слов и имеющий общий элемент значения или функцию» [Hauseholder 1946: 83-84]; отдельные начальные фонемы и консонантные группы, выполняющие некоторые семантические функции [Михалев 1995]; «субморфемные единицы, несущие значение» [Hinton 1994: 5. Цит. по: Левицкий 2009: 69]; двухсложные повторяющиеся сочетания фонем, подобные морфемам в том смысле, что с ними более или менее отчетливо ассоциируется некоторое содержание или значение, но отличающиеся от морфем полным отсутствием морфологизации остальной части словоформы [Воронин 1990: 12]. По экспериментальным данным фонестема подсознательно воспринимается как знак. Означаемое, с которым он предположительно ассоциируется, является частью его семантического пространства и относится к звукоизобразительной сфере (т. е. мотивировано фонетической формой) [Михалев 1995].

По данным М.Магнус, в самом общем смысле слово с определенной фонологической характеристикой принадлежит какому-то семантическому классу, напр., сочетание /gl/ в начальной позиции во всех германских языках имеет отношение к отражению света. Ср. англ. *glare, gleam, glim, glair* и мн.др.; норвеж. *glimte, glitre, glø*. В русском языке также присутствует некоторое количество образов (*глядеть, глянуть, глаз, гладкий, глазировать, глянец*), но процент их ниже вследствие того, что другие основные слова начинаются с /gl/ и формируют вершину других групп (*голова, главный, глубоко, голос, глина, глупый*). Группы имеют тенденцию быть более

специфичными в языке, тогда как истинный иконизм – универсален [Magnus 2001]. По данным В.В.Левицкого, «во многих случаях слова, характеризующие семантические функции звукосочетаний, связаны синонимическими отношениями или отношениями семантического сходства. Такими отношениями связаны, например, компоненты [блеск] и [сверкать] (сочетание bl), [сиять] и [блеск] (gl) [Левицкий 2009: 71].

В английском языке двусложные слова, заканчивающиеся на -eg или -en, характеризуют повторное или неустойчивое качество света. В односложных слова с -eg характеризуют постоянный сверкающий эффект; слова на -en указывают на то, что есть специфический легкий источник, относительно которого отраженный свет происходит. Слова, содержащие короткий /i/, относятся к свету, который является непродолжительным. Слова, содержащие другие гласные, относятся к свету, который продолжителен или продолжающийся. Из них высокий гласный (*gleam*) предлагает узкий пучок света. Слова, которые содержат /ow/, касаются ненаправленного все-распространяющегося света [Magnus 2001].

В коми-пермяцком языке сочетание /gl/ типично преимущественно для русских заимствований (*главнóй* «главный», *гладитны* «гладить», *глагол*, *гладь*, *глулкмыны* «глохнуть» (< *глухóй*), *глюкоза*, *глицерин* и др.). Однако семантика света часто связана с начальным /dz/ – *дзардан*, *дзарыт* «светящийся, сияющий, излучающий свет», *дзардны*, *дзарьявны* «сиять, светиться, излучать свет», *дзардны-югдыны* «светать», *дзирдавны* «блестеть, сиять, светиться, мерцать», *дзуз видзны*, *дзузьявны* «мерцать», *дзульби* «огонек над тлеющими углями», *дзырыт* «горячий», *дзув видзны* «проникать через узкое отверстие (о свете)», *дзуркби* «огонь, добытый трением» и др. Характерно, что семантика света (огня) в коми-пермяцком часто связана с наличием /z/ – *öзыём* «вспыхнувший, загоревшийся», *öзыны* «загореться, вспыхнуть», *зарни* «золото», *звиркниты* «сверкнуть», *Зарань* «дочь Солнца», *ладзавны* «разгораться (о дровах в печке)» и пр. Ср. *дзар* – изобразительное слово в некоторых сочетаниях «свет»; *дзаркнитны* «блеснуть», *дзирдавны* «блестеть, сиять, мерцать», *дзырыт* «мерцающий», *дзуртби* «огонь, добытый трением», удм. *Зырыт* «горячий, пламенный»; *Заректыны* «светать»; коми *дзув тыдавны* «просвечивать» и пр. Безусловно, данная проблема требует отдельного исследования.

Морфема определенного акустико-артикуляторного строения – также носитель фонетического значения: а) *корневая* морфема: ин-

станты (к.-п. *бут-бут*, *бут-бат* «шум при сильном стуке, падении»); континуанты (к.-п. *и-ив* «ржание лошади»); фреквентативы (к.-п. *бряк*; *варк-варк* «кипение чего-н. густого») и др.; б) *аффикс* (к.-п. *-тор* с семантикой «маленький», *жуз* – пейзажная семантика) и пр.

Словосочетание, идиома, ФЕ в коми-пермяцком языке часто связаны со звукоизобразительностью: а) устойчивое словосочетание (*ад летны* (букв. хайло драть) «неистово кричать»; *чуп-чап керис* «чавкать»; *вуп-воп сёйны* «хлепать, есть чавкая»; *вуп-воп керавны* «рубить что-л. рыхлое, трухлявое»; *тон-тон кынмыны* «сильно замерзнуть»; *сульк пымавны* «сильно вспотеть»; *ышки-пойки чушыктыны* «тяжело дышать»; *муму керлыны* «мычать»; *зэрк сёйны* «переест»; *кокись кокö* «нога в ногу» и др.); б) ФЕ, паремия (*пиннез ййрны* (букв. зубы грызть) «зубы точить»; *сöпыс потис* (букв. желчный пузырь лопнул) «терпенье лопнуло»; *горшыс веськалис* (букв. горло выпрямилось) «напился, утолил жажду»; *пиннез йöрмисö* (букв. зубы попали в изгородь) «набил оскомину»; *öм тупкыны* (букв. рот закупорить) «заставить замолчать»; *гатти пöрны* (букв. навзничь упасть) «удивиться»; *киэс сылöн лудöны* «руки у него чешутся»; *нинсö куль, көр сйя кульсьö* «куй железо, пока горячо»; *смехыт медбы мöдöрö эз пет* (букв. чтобы смех твой в другую сторону не повернулся) «хорошо смеется тот, кто смеется последний» и др.).

Синтаксические структуры, выделяющиеся в тексте и создающие ритмический рисунок – анафоры, эпифоры, рефрены, параллельные конструкции [Павловская 2001: 212–213], также фоносемантически значимы. Ср. в к.-п. потешке: *Туругум, туругум Орсö тури-туругум. Туругум, туругум, Ваню тальö веж турун* (Туругум, туругум играет журавушка-туругум. Туругум, туругум, Ваня топчет желтую траву).

Обзор работ по пермским языкам показывает, что ни один из носителей фонетического значения, кроме слова, не являлся предметом специального исследования. Кроме того, все перечисленные звукоизобразительные единицы могут изучаться в рамках различных фоносемантических подходов, о чем пойдет речь в третьей части статьи.

Примечание

¹ Здесь и далее языки: англ. – английский, доперм. – допермский, к.-з. – коми-зырянский, к.-п. – коми-пермяцкий, к.-яз. – коми-язьвинский, манс. – мансийский, общеп. – общепермский, удм. – удмуртский, хант. – хантыйский.

Список литературы

- Аксаков К. Опыт русской грамматики. М.: Тип. Л. Степаковой, 1860. Ч.1, вып. 1. 176 с.
- Алатырев В.И. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь / под ред. В.М.Вахрушева. М.: Рус. яз., 1983. С.586.
- Алатырев В.И. Междометно-наречные повторы в удмуртском языке // Учен. зап. ЛГУ №105. Л., 1947. Вып. 2. С.216–236.
- Беликова А.Е. Семантика глаголов звучания в финском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2004. 26 с.
- Бубрих Д.В. К проблеме изобразительной речи // Учен. зап. Карело-Фин. ун-та. Исторические и филологические науки. 1948. Т.3, вып.1. С.85–94.
- Вельди Э.А. Англо-эстонские параллели в ономастике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту: Тарт. ун-т, 1988. 21 с.
- Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 244 с.
- Воронин С.В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании: (очерки и извлечения). Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 200 с.
- Газов-Гинзберг А.М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? М.: Наука, 1965. 183 с.
- Гурджилова Е.Л. Элементарный звуковой символизм: (Статистическое исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 31 с.
- Имайкина М.Л. Наречно-изобразительные слова в мордовском языке: дис. ... канд. филол. наук. Тарту: Тарт. ун-т, 1968. 16 с.
- Комарницкая Л.А. Субъективный и объективный звуковой символизм в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1985. 17 с.
- Кривошекова-Гантман А.С. Собрание сочинений. Т.1: Грамматика, диалектология, лексика и фразеология, проблемы развития языка. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2006. 246 с.
- Кушнерик В.И. Фонетическое значение и фонетическая мотивированность в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1987. 15 с.
- КЭСК – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка / под ред. проф. В. И. Лыткина. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 430 с.
- Левицкий В.В. Звуковой символизм: Мифы и реальность. Черновцы: Рута, 2009. 186 с. [Авторский электронный вариант].
- Михалев А.Б. Теория фоносемантического поля. Пятигорск, 1995. URL: <http://amikhalev.ru/> (дата обращения: 18.05.2010).
- Павловская И.Ю. Фоносемантический анализ речи. СПб.: С.-Петербург., 2001. 292 с.
- Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Некоторые особенности говора кольских коми // Историко-филол. сб. / АН СССР. Коми филиал. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1960. Вып. 6. С.130–151.
- Соколов С.В. Пышкылон (звукоподажательные) кыльес но междометиос // Вордскем кыл. 1996. № 4. С.69–73.
- Суббота К.А. Глагол в ижемском диалекте коми языка: грамматические категории и словообразования (на материале казымского говора): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2009. 18 с.
- Тараканов И.В. Изобразительные и подражательные глаголы в удмуртском языке // Тараканов И.В. Исследования и размышления об удмуртском языке. Ижевск: Удмуртия, 1998. С.188–194.
- Шибанов А.А. Изобразительные слова в пермских языках // Пермистика XI: диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. ст. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2006. С.265–270.
- Шляхова С.С. Тень смысла в звуке: Введение в русскую фоносемантику. Пермь: Перм.гос. пед. ун-т, 2003. 216 с.
- Шляхова С.С., Петрова С. Коми-пермяцкие акустические ономасты (материалы к универсальной классификации ономастов) // Коми-пермяцкий язык и литература во взаимодействии с другими языками, обновление методики их преподавания. Кудымкар, 2000. С.58–60.
- Berlin B. Evidence for pervasive synesthetic sound symbolism in ethnozoological nomenclature // Sound Symbolism. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P.76–93.
- Hinton, L., Nichols J., Ohala J. Sound-symbolic processes // Sound Symbolism. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P.107–113.
- Magnus M. Gods of the word. Truman State University Press, 2001. 192 p. URL: <http://www.conknet.com/~mmagnus> (дата обращения: 10.05.2010).
- Sapir E. A study in Phonetic Symbolism. Journal of Experimental Psychology. 1929. Vol.12. P.225–239.
- Thorndike E.L. On Orr's Hypothesis Concerning the Front and Back Vowels // British Journal of Psychology. 1945. Vol. 36. P.209–263.
- Ulan R. Size-sound symbolism // R. Ulan, J. Greenberg (ed.). Universals of Human Language. Stanford: University Press, 1978. Vol. 2. Phonology. P.525–568.

**RESEARCH OF SOUND ICONICITY IN PERMIC LANGUAGES:
PROBLEMS AND PERSPECTIVES**

Article two

Svetlana S. Shlyakhova
Professor of General Linguistics Department
Perm State Pedagogical University

The planned series of works consists of three articles devoted to the research of sound iconicity in the Permic languages. In the second article the analysis of existing in Finno-Ugric linguistics classifications of the iconic words in the Permic (Komi [Komi-Zyrian]; Komi-Permyak, Komi-Yazva, Udmurt) languages in the field of acoustic and unacoustic denotata is presented. In the article problems relating to the research of onomatopoeia and sound symbolism in Permic languages are formulated. The review of the works of the Permic languages shows that none of the carriers of phonetic value (acoustic sign, type of phoneme, phonestema, etc.) except the word has not been the subject of a special research. On the data of the Permic languages the carriers of phonetic value (voice symbolism of vowels *i/a*, suffixes *-mop*, *-nu*, etc.) are examined.

Key words: Finno-Ugric languages; Permic languages; onomatopoeic words; phonosemantics; sound iconicity.